

テイルとネリ

Тиль и Нели

ヴェーラ・フレーブニコワ
マイ・ミトゥーリチ絵 / 北川和美訳

Много, много
птичек... Вера Хлебникова

Май Митурич. «Тиль и Нели» (В. Хлебникова)

(Продолжение. Начало в **БК** 2⁽⁶⁾, 2013)

Вороны

Первой птицей Мая Митурича в книжной иллюстрации был ворон. Двенадцатилетний Май нарисовал героев рассказа (маленькой повести) Веры Хлебниковой «Тиль и Нели». Тиль и Нели — ручные вороны, одно лето жившие у Веры, Петра и Мая в Судаче. Назвали их по именам героев романа «Тиль Уленшпигель»¹ — книжки Шарля де Костера, основательно потрепанной воронятами.

Рассказ написан 1938 году о лете 1937 года, от лица Мая.

Вот как воронята появились:

«В корнях прибрежных деревьев ютятся гнезда ежей, а совиные семьи заняли дупла. Несмотря на такое густое население, ворона, свившая свое гнездо на вершине старого вяза, была очень удивлена, когда, на тропинке, у речки появились два больших черно-синих птенца: они, непрерывно разевая широкие детские рты, громко кричали, не уставая махать еле оперившимися взъеро-

¹ Май Митурич выберет этот роман своей дипломной работой в Полиграфическом институте.

Май Митурич. «Тиль и Нели» (В. Хлебникова)

Май Митурич. «Рассказы для детей» Г. Снегирев

шенным крыльями. Они просили есть — люди проходили мимо по тропинке...

Ворона уже не раз улетала и прилетала обратно: крик этой парочки беспокоил ее. Он походил на крик собственных ее детей...

Сидя на тополе, она в недоумении потряхивала крыльями. Я также не знал, как быть с птенцами: это были молодые вороны.

Вынув из сумки кусок белого хлеба и несколько черешень, я стал поочередно бросать в открытые рты маленькие кусочки хлеба: один вороненок охотно глотал хлеб, а другой упорно выбрасывал обратно, зато черешни пришлось ему по вкусу... Кое-как заглушив голод, птенцы стали затихать, распушились-нахохлились. Но когда я попробовал продолжать свой путь, они вперевалку двинулись за мной, торопясь и спотыкаясь. Пришлось подождать: так, втроем, мы двигались тропинкой по направлению к дому. Воронята еле умели ходить, а о летании нечего было и думать: они были еще слишком молоды.

Вороны гнездятся на неприступных скалах, и птенцы их, лишь совершенно окрепнув, вылетают из гнезд. Мои спутники преодолевали пространство так медленно, что пришлось взять их на руки и нести самому. Добрая ворона проводила нас до своего гнезда, переполненного голодным криком, а мы продолжали свой путь. С большим трудом я дотащил эту громоздкую парочку до дому. С этого дня у меня появилась новая забота. Так воронята были приняты в нашу семью. Днем они сидели в большом садке-курятнике под открытым небом, а для

Рисунок Мая. 1937 год

ночи им отгородили самый широкий уголок террасы».

«Наша Нели была, видимо, старше Тилья, хотя меньше и тоньше, Тиль же был спокойный толстяк и на животе у него еще торчали сероватые пушинки. Кормили мы их главным образом отмоченным в молоке хлебом, вливая сразу в рот и хлеб и молоко большой обеденной ложкой, которую они каждый раз пытались заглотать...

Через несколько дней птенцы уже хорошо знали свою алюминиевую тарелку и ложку. От еды они никогда не отказывались, а перекормить их было никогда не страшно, так как все лишнее они выбрасывали, как хищные птицы, «початкой». Знали уже и свой ночной приют, когда перед закатом солнца мы открывали дверцу курятника: Нелька выскакивала первой и, подлетывая, спешила на перила террасы, а оттуда в свой дом...

Тилёк не умел даже подлетывать и, вперевалку добравшись до крыльца, важно всходил по ступеням, но дойдя до опрокинутой скамьи, терпеливо ждал когда его подсадят...

Никого, кроме нашей семьи, наши приемыши не признавали, от нас же требовали, как требуют дети от своих родителей. И когда через несколько дней над нашим двором появилась пара воронов, а ворониха спустилась на садок, птенцы смотрели на нее так же, как на кур,

как на черного Арапку: молча, с любопытством, и только. Вороны, спугнутые людьми, улетели на «Алчак», но с этого дня началось сближение крылатых горных жителей с обитателями Ачикларской долины. На другой день эти дикие, нелюдимые птицы прилетели опять, и нам стало ясно, что это родители наших приемышей, что гора Алчак — их «участок», и что также на скалах Мертвой бухты — их опустевшее гнездо...

Но не только в еде была потребность у наших птенцов: оба они любили, выйдя из садка и поиграв на лужайке, сесть возле кого-нибудь из нас, прижавшись поуютнее, и чтобы их гладили по синим теплым головкам: Тиль что-то мурлыкал, засыпая, Нелька нежилась молча. У каждого из них было по именному кольцу на ноге, а на головках у них, вдобавок к именам, красовались живописные хохолки...

Просыпались наши приемыши часа в четыре утра и будили нас дружным, звонким криком: мне очень хотелось спать, но пока они не получают свой ранний завтрак, от этом нечего было и думать: оставалось скорее заморить их бодрый голод».

В тот год Май получил в подарок к двенадцатилетию свое первое ружье. Унаследовав страсть к охоте от деда, Май отправлялся добывать пропитание воронятам.

«Тиль, Тиль, Нелька!» — звали мы, уходя через холмы к морю. Легкий свист крыльев и воркующее крр, крр, кра... — над нами плавно летели наши крылатые детеныши.

Купаться мы ходили в Капсель — Мертвую бухту. На море им было очень весело, хотя пугали волны и шум прибоя, но зато мелкие крабы, засохшие водоросли и пестрые камешки — все это подвергалось обследованию, затевались игры: Тиль тянул клочок водорослей в одну сторону, Нелька в другую, победитель улетал с клочком... Тиль любил собирать камешки и складывать их в наши туфли, или разыскивал зарытую нами в гальку папиросу или коробку спичек.

Рисунок Мая. 1937 год

Май Митурич. «Тиль и Нели» (В. Хлебникова)

Май Митурич. «Командорские острова»

На пляже было много неизвестных им людей, и Нелька, как старшая, вела себя осторожно: при каждом резком движении или звуке отлетала на холмик. Тилька же, как ребенок, около нас чувствовал себя в полной безопасности.

Узнав дорогу на море, они стали летать туда одни, все чаще и чаще. Это нас немало беспокоило, так как неожиданная близость «дикой птицы» будила древние охотничьи инстинкты не только в детях, но и во взрослых: тотчас появлялся в руке или камень, или палка...

А детишки целой гурьбой гонялись за ними, в то время, как Тиль и Нелька весело, как бабочки, перелетали с места на место, уводя детей с холмов в долину и опять вверх...

Но скоро все в окрестностях знали Тилиа и Нельку и при их появлении раздавалось уже дружеское: «Тиль, Тиль, Тиль, Нелька!..»

Но только на наш зов срывались они даже с вершины Алчака и плавно летели нам навстречу».

«К середине лета Тиль и Нели научились охотиться сами. Летали со старыми воронами, но всегда возвращались домой.

Иногда, совершенно неожиданно, в горах раздается приветливое «кра, кра» — и Тиль плавно снижается к ногам. Мы присаживаемся к нему, начинается разговор: спрашиваем, где он был — Тиль всегда что-то мурлычет в ответ... Особенно он дружит с Отцом, они подолгу беседуют: Тиль сидит на ручке дивана: «Ну, рассказывай, — говорит Папа, — где ты был... Где Мая...» — «Ава, ава, кав», — отвечает выразительно Тиль.

Папа курит. Тиль ловит клювом дым и глотает его».

Кончилась эта история горем — ручных воронов кто-то застрелил, одного за другим... несмотря на помеченные масляной краской головы и именные кольца на лапах.

«Несколько маховых перьев и дерзко изорванная крепкими клювами повесть о Тиле Уленшпигеле в голубоватом, напоминающем о море переплете, — вот все, что осталось от наших любимцев...»

Эти перья, как и рисунки Мая, хранятся в семейном архиве. Еще остался этот простой, трогательно достоверный рассказ. Текст Веры Хлебниковой не только талантливая литература, но и потрясающее свидетельство ее любви к птицам, знания их повадок и особенностей, умения наблюдать.

Рассказ «Тиль и Нелли» был впервые напечатан лишь около 60-ти лет спустя. А в 2003 году художник Май Митурич вновь иллюстрировал эту историю о двух ручных воронах, написанную от лица Мая-мальчика. Книжка вышла на японском языке, в токийском издательстве.

Топорики

В Японии были изданы и другие книги Мая Митурича, в которых он являлся автором и картинок, и идеи. Одна книжка для самых маленьких — «Как пингвиненок пошел в детский сад». Другая — «Мы нашли солнце» — вольный пересказ северной сказки о том, как злой филин украд Солнце, и настала полярная ночь. Еще одна книга Митурича, также вышедшая в Японии — «Командорские острова». Это переиздание опубликованного в 1969 году в издательстве «Советская Россия» рассказа Мая о далеком крае, где он побывал.

Отец был наблюдательным путешественником и привозил из дальних странствий множество блокнотов с набросками и зарисовками, рисунки карандашом и тушью, акварели, которые помогали в работе над книгами. И отличные рассказы об увиденном зорким глазом художника. Книжка «Командорские острова» состоит из коротких главок. Одна из главок называется «Остров топориков». На маленьком острове живут только птицы — топорики. Вот как Май пишет об этих птицах: «Крылья

Май Митурич. «Командорские острова»

у топориков маленькие, а хвостов почти совсем нет, так что рулить им приходится лапками. Растопырит топорик в воздухе лапки и разворачивается. Лапки красные, с перепонками, так и горят на солнце! Показалось мне, что у птиц, которые летят с моря, растёт борода. А это маленькие рыбки, как кильки. В клюве их штук пять, хвостики вниз висят, вот и получается борода. <...> Подкараулил я, когда топорик стал вылезать из норы, хватить его и поймал. Попался, красавец, теперь-то разгляжу тебя как следует. Сидит топорик у меня в руках, на меня поглядывает, клюв открывает, пугает. Сам толстенький, крепенький, весь черный. Только головка белая, а на макушке черная шапочка. Клюв красный, как смородина, топориком. Глазок светлый, внимательный, с красным ободком. Но и этого ему мало. От бровок на затылок свисают золотые косички. И зачем ему эти косички? Наверное, чтобы чайки, бакланы, все, кто залетит на остров, сказали: «Ай да красавцы эти топорики!» Потрогал я косички, расправил лапки и отпустил топорика. Стал он на ножки, сначала пошел важно — топ-топ, потом разбежался и улетел».

Маяю не надо было специально подбирать слова, чтобы передать маленькому читателю увиденное. Путешественник, художник, писатель — он на всю жизнь сохра-

нил мальчишескую любовь и любопытство к животным, птицам. Наверное, рисуя зайцев, отец вспоминал свое детство: ручного зайца, привезенного в Москву из Крыма, а в каждой нарисованной им белке я узнаю наших ручных домашних белок.

Бесчисленные герои детских книг — стихов, сказок и басен — нарисованные им, какова бы ни была степень условности изображения, всегда сохраняют существенные, характерные особенности и черты своей породы. Для маленького читателя, следящего по картинке за перипетиями рассказываемой в книжке истории, иллюстрации Мая Митурича являются своеобразной энциклопедией. Нарисованные им звери и птицы — веселые и печальные, разодетые в сапоги и камзолы или босые — запомнятся навсегда, чтобы потом быть легко угаданными и в лесу, и в зоопарке, и на таблицах учебных книг.